

УДК 94(47)

ШКОЛЫ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА НИЖНЕУДИНСКОГО УЕЗДА НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

*Н.Н. Наумова, канд. ист. наук
БрГУ, Братск*

Статья посвящена истории становления системы народного образования в Иркутской губернии на рубеже XIX-XX вв. Развитие сети церковных школ Нижнеудинского уезда рассмотрено как целостный процесс, включающий в себя участие населения в работе школ, формирование материальной базы, проблемы организации учебного процесса.

Ключевые слова: история церкви, церковноприходская школа, Иркутская епархия, переселенческое движение, Восточная Сибирь.

Сельские церковноприходские школы и школы грамоты находились в ведении Св. Синода. Они были широко распространены на всей территории Восточной Сибири, причем наиболее интенсивное развитие наблюдалось после официального признания их в качестве государственных указом Синода от 21 июня 1884 г. В Правилах о церковноприходских школах 1884 г. говорилось об «уповании, что школы сии будут истинными рассадниками христианского просвещения в православном народе» [1].

Развитие сети церковных школ Нижнеудинского уезда шло довольно интенсивно. Так, в 1890 г. в 19 церковноприходских школах учились 101 мальчик и 41 девочка. В 1899 г. в 39 школах ведомства православного вероисповедания (ВПИ) уезда занимались 686 мальчиков и 381 девочка. Педагоги-женщины, в основном преподававшие в церковных школах, обязательно вели уроки рукоделия, за счет чего доля девочек в школах ВПИ была намного выше, чем в государственных народных училищах. Так, в том же 1899 г. в 21 государственной школе уезда обучалось 1017 мальчиков и 296 девочек [2].

Во главе административной системы школ духовного ведомства епархии стоял Иркутский епархиальный училищный совет. Школами отдельного уезда руководило уездное отделение совета, в состав которого могли входить лица различного

служебного положения и сословного происхождения, как правило, представители духовенства. Членами Нижнеудинского отделения, в отличие от других, являлись всего шестеро представителей духовенства: священники городских храмов, уездный наблюдатель школ ВПИ, окружные благочинные (настоятели Тулунской и Братск-Острожской церквей) и двенадцать светских лиц – городские чиновники, крестьянские участковые начальники, служащие министерства народного просвещения. Архив отделения и книжный склад размещались на папертях церквей и в здании Нижнеудинской городской Думы.

Собрания отделения епархиального училищного совета проходили в доме у его председателя, настоятеля Нижнеудинского Вознесенского собора о. А. Белгородского. Уездное отделение собиралось ежемесячно, с кворумом в 2/3 состава. Заседания могли быть очередными или чрезвычайными, а их постановления заносились в особые журналы заседаний, причем член отделения, несогласный с постановлением, прилагал к журналу свое «особое мнение».

Церковно-школьная система на местах могла рассчитывать на поддержку сельской администрации – уездного исправника и крестьянских начальников, которые характеризовались как «люди компетентные в народных нуждах», как «наиболее полезные руководители и со-

ветники по разным вопросам», заслуги которых характеризовались как «огромные». Именно по их инициативе в конце 1890-х гг. в Куйтунском, Перфиловском, Алзатайском приходах были открыты церковные школы, организованы школы грамоты в деревнях Манут и Бадар, создана народная библиотека при Уковской школе. Средства для создания народной читальни села Ук в размере 360 руб. были собраны служащими 12 участка строительства Средне-Сибирской дороги.

В освещаемый период на территории Восточной Сибири развернулась острая конкурентная борьба между церковной и государственной, так называемой министерской школой, подчинявшейся министерству народного просвещения (МНП). В тех приходах Нижнеудинского уезда, где действовали министерские школы, – Хаихтском, Громовском, Слободском и Филипповском – не открывались школы духовного ведомства. Церковная школа проигрывала государственной за счет льготных условий открытия школ МНП, на постройку которых выделялось не менее 600 руб., а выплату жалованья учителю целиком принимало на себя государство. При постройке церковной школы выдавалось пособие в размере не более 250 руб. и не более 150-200 руб. на оплату труда педагога, а остальное должен был компенсировать приход.

Крестьяне имели право на добровольный выбор типа школы в своем селении. Иногда в отчетах уездных отделений звучало мнение, что предпочтение населением государственных школ – «это плоды агитации политических ссыльных, как известно, церковному образованию не сочувствующих» [3].

В конце XIX – начале XX вв. в Восточную Сибирь усилился приток политических ссыльных, многие из которых были противниками народных школ духовного ведомства. По словам енисейского о. П. Макарова, «у ссыльнополитических, как не признающих бытия Божия (мне лично не приходилось встречать верующих), – у всех есть стремление разрушить веру в Бога и у других. Легко разрушить, но

трудно создать» [4]. На страницах церковной периодики нападки в либеральной прессе (корреспондентами таких газет зачастую и являлись ссыльные) на школы духовного ведомства и неблагоприятное отношение общественного мнения расценивались, как происки «посторонних для нее элементов», которым «церковноприходская школа мешает на пути, они ею недовольны за то, что она воспитывает будущих членов государства, стойких в веру отцов» [5].

Обучение в русле православной веры отвечало и требованиям родителей-сибиряков: «Крестьяне любят школу, обучающую детей церковному пению, любят слушать хорошее чтение своих детей в храме и дома, любят видеть в детях вежливость к старшим и благопристойность...дорого ценят учителей, не ломающих их религиозных привычек...Начальная школа должна давать основные образовательные знания, в состав которых непременно входит религиозное преподавание, соответствующее семейному и его продолжающее» [6].

Второй по величине Нижнеудинский уезд Иркутской епархии при площади около 107 тыс. кв.верст и населении в 81723 чел. имел плотность населения 0,76 чел. на кв. версту. В 1900 г. из 297 школ ВПИ епархии лишь 39 были расположены на территории уезда [7]. Нормальное функционирование и развитие сети школ ВПИ встречало многочисленные препятствия.

Проведение Транссибирской железнодорожной магистрали вызвало не только оживление экономической жизни региона, но и падение уровня жизни населения Верхнего и Среднего Приангарья. До постройки Транссиба сплав по Ангаре павозков с чаем давал огромные доходы. Благосостояние целых сел было основано на занятии сплавом, судостроением и судоремонтными работами, извозом, торговлей и дворничеством (содержанием постоянных дворов). Теперь подобные промыслы пришли в упадок. В 1901 г. разразился приисковый кризис на Лене, куда из Среднего и Нижнего При-

ангарья ежегодно перевозилось не менее миллиона пудов зерна. Следствием этого стало разорение многих богатых благотворителей-бусовщиков, начавших отказываться от должностей попечителей церковноприходских школ [8].

Банкротство и окончательное прекращение производства на Николаевском железоделательном заводе привело к закрытию двух самых больших церковных школ уезда (мужской и женской), содержавшихся на средства предприятия.

С 1863 г. по 1914 г. население Иркутской губернии возросло с 365,8 тыс. до 750,2 тыс., т. е. на 205 % [9]. Наибольший рост населения наблюдался в Ачинском, Минусинском, Красноярском, Канском, Нижнеудинском уездах (от 70 до 212 %) [10]. Естественный прирост населения в Сибири был значительно выше средне-русского за счет активного переселенческого движения, особенно высокого в Енисейской губернии. Так, этот показатель (абсолютный прирост на 1000 населения) составлял в 1908 г. для России 16,5 и 18,9 – для Восточной Сибири, в 1913 г. – 15,7 и 22,8 соответственно.

Нижнеудинский уезд относился к числу интенсивно колонизируемых местностей Иркутской губернии. Однако рост числа церковноприходских школ не соответствовал темпам прироста населения. Как уже упоминалось, в 1900 г. численность населения уезда составляла 81723 чел., а всего за десять лет до этого – 52539 чел [11]. В 1915 г. в Иркутской епархии в церковных школах обучался 8181 ребенок обоего пола, в то время как детей школьного возраста (т. е. в возрасте 8-14 лет) насчитывалось не менее 66186 чел. [12]. Если в абсолютных показателях школа духовного ведомства в Восточной Сибири прогрессировала, т. е., безусловно, росли все численные показатели, то с другой стороны, наблюдалась относительная регрессия, т. е. роль церковной школы в сибирском обществе снижалась. Регрессия происходила за счет очень быстрого увеличения населения, и охват

детей школами ВПИ, несмотря на развитие их сети, снижался.

В марте 1900 г. в Красноярске был открыт местный комитет Фонда церковно-школьного строительства в районе Сибирской дороги им. императора Александра III. Красноярский комитет изначально задался целью расширить сферу своей деятельности, открывая не только церкви, но и школы в переселенческих пунктах по всей Енисейской епархии. Напротив, в Иркутской епархии администрация запретила расходование «переселенческих сумм» на любые нужды, кроме храмостроительства [13]. При этом Переселенческое управление не всегда успевало за приростом населения.

Внезапная мобилизация Сибирского военного округа (июнь-август 1900 г.) в связи с вооруженными столкновениями на российско-китайской границе практически оставила школы ВПИ Восточной Сибири без книг и школьных принадлежностей: железная дорога прекратила прием частных грузов, и высланная литература дошла до мест назначения только к новому году, а резерва учебных пособий на Нижнеудинском складе предусмотрено не было. Тем не менее, обеспеченность школ Нижнеудинского уезда методической литературой в 1898 г. составляла 246 экз., в 1900 г. – 427, в 1901 г. – 595 экз.; обеспеченность учебной литературой – 5798 экз., 10154 экз. и 14665 экз. соответственно [14]. Таким образом, фонды учебных и учебно-методических пособий за два года увеличились почти в три раза.

Как минимум пять поселений уезда особо нуждались в открытии одноклассных школ. Это были как сравнительно небольшие деревни Парилово (с населением 278 чел.), Московская (297 чел.), Усть-Вихорева (407 чел.), так и относительно крупные поселки Мурашево (1035 чел.) и Мугун (731 чел.), быстро растущие за счет притока переселенцев. Доля детей школьного возраста составляла одну седьмую от численности взрослого населения [15]. В малых поселениях – Никольская (239 чел.), Алгаш (203 чел.),

Верхнебожово (225 чел.), Верхнесуворово (224 чел.), Ключи-Булак (217 чел.), Бада (358 чел.), Илир (406 чел.), Тэмь (346 чел.), Бурнина (322 чел.), Ильинское (286 чел.), Антонова (333 чел.), Красный Яр (273 чел.), Заусаева (424 чел.), Иргей (220 чел.), Нюринское (345 чел.) – предполагалось открытие элементарных двухгодичных школ грамотности. Численность населения определяла как потребность в школах определенного типа, так и возможность их содержания местным населением (предоставление квартир педагогам, строительство и ремонт школьных зданий, освещение, отопление и т. д.).

Нижнеудинское отделение не могло достаточно интенсивно открывать новые школы также из-за отсутствия «правоспособных» учителей. Первоначально в церковно-школьной системе не предусматривалось открытие педагогических учебных заведений. Красноярская учительская семинария, существовавшая с 1873 по 1917 гг., и аналогичное учебное заведение в Иркутске, работавшее в 1872-1897 гг., не могли поставлять кадры для школ ВПИ: во-первых, их выпускники стремились в школы министерства народного просвещения с лучшими условиями работы, во-вторых, за всю историю своего существования обе семинарии выпустили всего 1109 учителей [16].

Только с 1896 г. в епархии начинает разворачиваться сеть второклассных церковноприходских школ, чья деятельность была направлена на подготовку педагогов для школ духовного ведомства. Проектировалось открытие двух второклассных школ в каждом уезде, в Нижнеудинском такими селами должны были стать Шерагул и Братск-Острожное. Категорически запрещалось открытие второклассных школ в городах и даже в селах, если они являлись крупными торговыми или фабричными центрами, поэтому богатый и людный пос. Николаевский завод был отклонен именно как фабричное поселение, где невозможно было «предохранить» будущего народного учителя «от посторонних и неблагоприятных на

него влияний городской цивилизации»[17].

В государственных школах ни один учитель не получал годового жалованья менее 360 руб., в то время как из 39 школ ВПИ уезда такое жалованье было назначено только в семи. Обычный для Иркутской губернии оклад учителя, не превышавший 300 руб., «при крайней дороговизне жизни, при малой культурности населения, громадных расстояниях и отсутствии удобных путей сообщения...не может привлекать достаточное число правоспособных кандидатов на учительские должности...в Иркутске сторожа при готовой квартире получают 300 руб.»[18]. Епархиальный наблюдатель школ ВПИ И.Л. Брызгалов в 1897 г. указывал, что нормой оклада следует считать в Иркутском и Балаганском уездах 500 руб., в Верхоленском и Нижнеудинском – 600 руб., в Киренском и Нижнеилимском – не менее 700 руб. в год [19]. В 1900 г. статс-секретарь А.В. Куломзин, курировавший сооружение школ и церквей на переселенческих участках, советовал установить норму жалования в размере 240 руб. в школах грамоты, 500 руб. – в одноклассных и 750 руб. – во второклассных школах ВПИ [20]. Таких размеров заработная плата учителей школ духовного ведомства достигла только во время Первой мировой войны, но увеличения оклада на самом деле не произошло: инфляция перечеркнула все усилия правительства.

Учитель школы духовного ведомства, в отличие от педагога школы МНП, был социально незащищен: в Иркутской епархии не существовало ни Общества взаимопомощи учителям церковных школ, ни эмеритальных пенсионных касс. Однако епархиальным училищным советом периодически выдавались небольшие пособия на курортное лечение: так, преподавателю Барлукской церковной школы Прокопьеву, страдавшему ревматизмом, в 1900 г. было выделено 60 руб. для поездки на оз. Широ.

Вообще крестьянское население Восточной Сибири медленно привыкало к

появлению в селениях школ, однако здесь был замечен прогресс. Если в 1880-х гг. в графе опросных бланков «Как относится население к школе» чаще встречались ответы «индифферентно», «равнодушно», «безучастно», «холодно», то к началу XX века почти все ответы звучали как «с любовью и пониманием», «доверчиво», «благородно» [21].

Нижнеудинское отделение епархиального училищного совета определяло отношение населения к школе как «сочувственное». Симпатии населения к школе во многом зависели от личных качеств педагога: так, после смены учителя Укырское сельское общество изъявило согласие начать постройку нового школьного здания и обязалось предоставлять сторожа и дрова. В Бурнинской школе благодаря введению занятий рукоделием резко увеличилось количество учащихся девочек. Постройка новых школьных зданий начиналась в сс. Гадалее, Кимильтее, Бирюсе.

Неблагоприятная экономическая конъюнктура [22] не повлияла на деятельность известного мецената Братского благочиния, крестьянина Алексея Алексеевича Федорова. С 1895 г. он являлся активным попечителем Уковской и Марской церковных школ, пожертвовал для последней дом стоимостью 1100 руб. В 1900 г. на пожертвованные им 3000 руб. было выстроено здание для школы ВПИ в с. Тангуй. Как писал о. А. Попов: «Нужно действительно горячо любить школу, чтобы при многочисленном семействе, при многосложности дел в качестве земледельца, торговца и рядчика железной дороги – иметь возможность ежедневно присутствовать на школьной постройке, лично руководить и смотреть за кладкой печей, стен, сколачиванием полов и потолков, производить с рабочими расчеты, вместе с тем находить время присутствовать на занятиях в школе, собирать подписку на устройство елки для ребят, закупать разные мелочи и наконец самому украшать здание гирляндами и цветами. Нужно было присутствовать на этом детском празднике при том трогательном

момента, когда этот, без сомнения выдающийся человек, после личной раздаче елочных подарков детям, обратился к последним со словами поздравления и закончил свою безыскусственную речь пожеланием: «Учитесь, ребята, я сделаю для вас все, что смогу»[23].

В силу исторических и географических условий население Восточной Сибири было мало затронуто религиозно-нравственным влиянием церкви. Церковная школа и ее учитель именно оказывали огромное воздействие на жителей края. Преодолению религиозного индифферентизма сибиряков способствовало обучение детей церковному пению. В тех приходах, где из учащихся организовывался клиросный хор, священники регистрировали резкое увеличение числа молящихся в церкви, возрастающее «усердие ко храму» мужской части населения. В семьях, где были дети, учившиеся в школах духовного ведомства, более строго соблюдалось утреннее и вечернее молитвенное правило, появлялось вычитывание часов по Часослову.

Воскресные чтения в школьных помещениях собирали десятки взрослых. Положительным моментом следует считать и распространение «среди населения более сознательного отношения к явлениям окружающей природы и жизни, а также и сознание своих недостатков, осуждение своих распространенных пороков» [24]. Необычным, но быстро приобретшим популярность новшеством, стали паломничества на поклонение мощам свт. Иннокентия Иркутского, собиравшие не только учеников церковных школ, но и их родителей.

Популяризация библиотек была единственным средством в борьбе с рецидивирующей безграмотностью. В семи селах уезда имелись библиотеки, действовавшие при церковных школах и имевшие от 140 до 243 названий книг для внеклассного чтения [25]. О степени обеспеченности сел и деревень Нижнеудинского уезда разными видами печатных изданий позволяют судить данные К.Е. Зверевой. Из 20 обследованных селений в

двух из них у крестьян имелись лубочные картины (ксилографии), в 10 – газеты и журналы, в 12 – книги (к сожалению, количество экземпляров и названия указаны не были) [26]. Круг литературы был сравнительно узок: литература религиозного характера по своему наличию более чем в три раза уступала книгам светского содержания.

Несмотря на перечисленные недостатки в работе школ ВПИ Нижнеудинского уезда, на все трудности, препятствовавшие их нормальной деятельности, следует отметить, что это была единственная массовая школа Восточной Сибири, дававшая возможность крестьянству получить доступное образование. Сеть церковных школ интенсивно развивалась, но при этом количество школ отставало от роста населения. Востребованность народных школ не вызывает сомнений. Положительное влияние церковноприходских школ сказывалось на поведении детей (часто с первого взгляда можно было отличить учеников церковной школы даже на улице): повсеместно отмечались вежливость в общении, более усердное посещение храма, меньшая грубость в играх, внешняя опрятность, исчезновение привычки к воровству, ругани, драчливости и т. д. [27]. Постепенно поднимается общий культурный уровень крестьянства. Начинают появляться образованные крестьяне, знакомившиеся с новыми методами обработки почв, машинами, сельскохозяйственными культурами, внедрявшими их в свое хозяйство, заводившими опытные поля, иногда даже сотрудничавшие с научными учреждениями и обществами, как, например, И.И. Лыткин из с. Шерагул Нижнеудинского уезда.

Литература

1. ГАИО. Ф.50. Оп.1. Д.9687, л.39
2. Отчет о деятельности и состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Иркутской епархии за 1889/90 учебный год. Иркутск, 1891. С. 48 //ИЕВ:

Иркут. Епарх. Ведомости. 1901. №12. С. 92

3. ИЕВ: Иркут. епарх. ведомости. 1901. № 21. С. 240.

4. ЕЕВ: Енисей. епарх. ведомости. 1916. № 23. С. 23.

5. ЕЕВ. 1910. №17. С.370

6. ЕЕВ.1916. №12. С.26

7. ИЕВ. 1901. №17. С.175.

8. ИЕВ. 1902. №24. С.243

9. Рашин А.Г. Население России за сто лет. М.: Госстатиздат, 1956. С.69

10. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 199

11. Отчет о деятельности и состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Иркутской епархии за 1889/90 учебный год. Иркутск, 1891. С.48.

12. Сибирская школа. 1916. №2. С.19

13. ГАИО. Ф.50. Оп.1. Д.13541, л.27

14. ИЕВ. 1901. №14. С. 111. №19. С.205.

15. Подсчитано по: ИЕВ. 1901. №21. С.248

16. Недоспасова Е.И. История педагогического образования в Восточной Сибири (1872-1919гг.): дис. канд. пед. наук. Иркутск, 1949. С. 402

17. Брызгалов И.Л. Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1896/97 учебном году. Иркутск, 1898. С. 89

18. Прибавления // ИЕВ. 1896. № 11. С. 260

19. Брызгалов И.Л. Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1896/97гг. Иркутск, 1898. С.49

20. ИЕВ. 1901. №20. С.219.

21. ИЕВ. 1896. №18. С.9. 1901. №12. С.80

22. В 1895-1898 гг. было три неурожайных года подряд, а в 1899 г. неурожай был только в Кежемской и Мамырской волостях.

23. ИЕВ. 1901. №21. С.253

24. ИЕВ. 1901. №21. С.241

25. ИЕВ. 1901. №14. С. 130

26. Зверева К.Е. Роль просвещения в жизни сибирского крестьянства к. XIX-н. XX вв. // Развитие культуры сибирской

деревни: сб. ст. Новосибирск: Изд-во
НГПИ, 1986. С. 111

27.ЕЕВ. 1900. №18. С.501

УДК 332

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ И НАРАЩИВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-1980 гг.

О.В. Тищенко, канд. ист. наук
БрГУ, Братск

Рассмотрены исторические аспекты производственной деятельности некоторых предприятий строительной индустрии Иркутской области. Выявлены основные тенденции, способствовавшие наращиванию производственных мощностей, особенности технического оснащения производства строительных материалов. Обозначена ведущая роль командно-ведомственной системы государства в индустриальном становлении молодых городов Восточной Сибири в 1950-1980 гг.

Ключевые слова: история развития строительной индустрии, производственные мощности, строительные материалы, командно-административная система.

Сроки сооружения и ввода в эксплуатацию энергетических и промышленных предприятий, темпы формирования социально-бытовой инфраструктуры Иркутской области в 1950-1980 гг. в значительной мере определялись наличием и мощностью строительного комплекса. Он играет первостепенную роль в условиях освоения новых территорий, является связующим звеном всех элементов программы формирования территориально-производственного комплекса области.

Строительное производство в Иркутской области имело свои специфические черты, которые определялись не только условиями местности, но и программным аспектом вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов. Обширность территории обуславливала необходимость создания различных типов строительных баз – от центральных, опорных, до мелких, локальных. Другой особенностью строительного комплекса явилась дислокация его на недостаточно освоенной территории, что породило

дополнительные трудности в создании новых мощностей, в привлечении значительного контингента рабочей силы. Заметное влияние на развитие строительной отрасли оказали экстремальные природно-климатические условия региона, которые создавали определенные сложности в проектировании, применении техники и технологии строительных работ. Интенсификации темпов промышленного и социально-экономического развития области в рассматриваемый период способствовало создание мощного строительного комплекса, постоянное совершенствование структуры управления и форм организации материально-технической базы [1].

Широкое индустриальное освоение, строительство крупнейших гидроэлектростанций, лесопромышленных гигантов, алюминиевых заводов, а также развитие социальной инфраструктуры молодых городов Иркутской области выявили потребность в освоении и наращивании производственных мощностей и реконструкции имеющихся фондов